

Мирослав Шкандрий

Книга *Вторая польско-украинская война* Владимира Вятровича: искажения истории в публикациях директора УИМП*

В 2011 году Владимир Вятрович опубликовал первое издание своей – с тех пор ставшей широко известной – монографии, посвященной польско-украинскому конфликту во время Второй мировой войны¹. Книга, вышедшая в престижном издательстве Киево-Могилянской академии, сразу же вызвала внимание и стала темой специальной секции журнала *Ab Imperio*, где несколько экспертов – а именно, София Грачова, Игорь Илюшин, Гжегож Мотыка, Пер Андерс Рудлинг и Анджей Земба – опубликовали критические рецензии на труд украинского автора². В 2016 году Вятрович опубликовал еще один том на ту же тему под названием *За кулисами «Волынь-43»: неизвестная польско-украинская война»*³. 22 июля того же года польский парламент объявил трагические события, происходившие на Волыни между украинцами и поляками, актом геноцида. В резолюции парламента говорится, что она принята «в память о жертвах геноцида ... совершенного украинскими националистами с 1943 по 1945 годы, которые убили более 100 000 граждан Второй Польской Республики»⁴.

В ответ на это 25 августа 2016 года 90 известных украинских интеллектуалов и политиков обратились с призывом к Верховной Раде Украины установить день памяти украинцев, которые пострадали от преступлений, совершенных поляками⁵. Далее, на тему убийств 1943 года в Польше был снят фильм под названием «Wołyń»⁶. Как в интернет-сообществах, так и в академической прессе книга

* Первый вариант текста был опубликован на английском языке на сайте *12th Annual Danyliw Seminar* (Chair of Ukrainian Studies, University of Ottawa, 10-12 November 2016). Отредактированный английский вариант выходит параллельно с русским в *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* (2018. № 2). УИМП – Украинский институт национальной памяти при Кабинете министров Украины.

¹ В'ятрович В. Друга польсько-українська війна 1942-1947. К., 2011.

² См.: Forum: Volodymyr Viatrovych, *Druha polsko-ukrainska viina 1942-1947*. Kyiv: Vydavnychiy dim Kyievo-Mohylianska Akademiia, 2011 // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 351-433.

³ В'ятрович В. За лаштунками «Волині-43»: невідома польсько-українська війна. К., 2016.

⁴ Sejm przyjął uchwałę w sprawie Wołynia ze stwierdzeniem o ludobójstwie // *Wyborcza*. 22 lipca 2016. <http://wyborcza.pl/1,75398,20436098,sejm-przyjal-uchwale-w-sprawie-wolynia-zestwierzeni-em-o-ludobojstwie.html>.

⁵ Klikushin M. From Friends to Bitter Rivals: Poland and Ukraine Accuse Each Other of «Genocide» // *Observer*. 1 September 2016. <http://observer.com/2016/09/fromfriends-to-bitter-rivals-poland-and-ukraine-accuse-each-other-of-genocide/>

⁶ Краткая рецензия этого фильма в: Lewis S. *Wołyn: Towards a Memory Dialogue between Poland and Ukraine* // *Open Democracy*. 27 October 2016. <https://www.opendemocracy.net/od-russia/simon->

Вятровича сыграла важную роль в обсуждении Волынских событий 1943-1944 годов⁷. Ниже предлагается оценка книги Вятровича в свете ранних критических комментариев о ней.

Имя Вятровича стало известно в 2002 году, когда он стал работать в львовском Центре исследований освободительного движения (укр. аббревиатура: ЦДВР) и усиленно продвигать героический нарратив истории ОУН-УПА. В 2008 году тогдашний Президент Украины Виктор Ющенко сделал его главой Национального архива Службы безопасности Украины. Во время президентства Ющенко героизация ОУН-УПА в общественной жизни стала все более значимой: улицы Украины были переименованы в честь лидеров ОУН-УПА, и, в частности, Степан Бандера стал чуть ли не главным «героем Украины». Вятрович активно поддерживал эту кампанию по героизации Бандеры и стал все более часто цитируемым автором в масс-медиа. В статье 2010 года он, например, утверждал: «Борьба украинцев за независимость является одним из краеугольных камней нашей национальной самоидентификации. Поэтому без УПА, без Бандеры, без [Романа] Шухевича не было бы современного Украинского государства, не было бы современной Украинской нации. Фундаментальные ценности Украинского движения, отображенные в Манифесте ОУН, написанном в декабре 1940 года, и провозглашенные Степаном Бандерой, гласят "Свобода нациям! Свобода личностям!" и являются ценностями современной объединенной Европы»⁸.

После того, как в 2010 году Виктор Ющенко покинул пост президента, Вятрович продолжил публиковать свои агиографические статьи об ОУН-УПА. Он провел один год в качестве стажера (fellow) в Украинском исследовательском институте при Гарвардском университете. Вскоре после Майдана, в марте 2014 года, его назначили директором Украинского института национальной памяти (УИНП) при Кабинете министров Украины.

Самой характерной работой Вятровича на сегодняшний день следует считать второе и расширенное издание книги *Вторая польско-украинская война, 1942-*

lewis/wolyn-towards-memory-dialogue-poland-ukraine. Касательно украинской реакции на этот фильм см., напр.: Винничук Ю. Плюндровані Креси // Zbruc. 23 October 2016. <http://zbruc.eu/node/57747>.

⁷ Примеры недавних подобных публикаций: Coynash H. Politicizing History: Parliament Adopts Dangerously Divisive Laws // Human Rights in Ukraine. 10 April 2016; Motyl A.J. Trivializing Genocide: A Dangerous Distraction // World Affairs. 18 August 2016. <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/alexander-j-motyl/trivializing-genocide-dangerous-distraction>; Shchur M. Are Scholars from the Institute of National Memory «Whitewashing» the History of Ukraine? Volodymyr Viatrovych Responds to Josh Cohen's Article in Foreign Policy // Euromaidan Press. 4 May 2016. <http://euromaidanpress.com/2016/05/04/92324/>; Portnikov V. Poland and Politics: Why Politicians Should Not Meddle in History // Euromaidan Press. 3 September 2016. <http://euromaidanpress.com/2016/09/03/poland-and-political-gains-why-politicians-should-not-meddle-in-history/#arvlbdata>; Рябенко С. «Друже Рубан!» Використання фальсифікатів в дискусіях про Волинь // Історична правда. 23 October 2016. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2016/10/22/149259/>.

⁸ В'ятрович В. Європа заговорила // Українська правда. 2 March 2010. <http://www.pravda.com.ua/columns/2010/03/2/4824766/>.

1947 г. Польский перевод книги был издан в 2013 году, планируется издание перевода на английский язык. Первое издание книги появилось одновременно с выпуском двухтомной коллекции документов, отредактированной Вятровичем, под названием *Польско-украинские отношения в 1942-1947 годах и документы ОУН и УПА*⁹. Во время подготовки книги и сборника документов Вятрович имел возможность использовать документы Мыколы Лебеда, которые находятся как в Украинском институте в Гарварде, так и в архивах Центра исследований освободительного движения во Львове, и материалы из Центрального архива Канады (Оттава), который содержит документацию по событиям в Хелме. Для второго издания автор включил информацию из протоколов допросов бойцов УПА, сделанных советскими властями.

В своей книге Вятрович поставил под сомнение точку зрения некоторых польских исследователей, которых он обвинил в предвзятости в оценке украинцев. Он показал, как польские средства массовой информации неверно трактовали некоторые фотографии и как это с 2003 года повлияло на ход дискуссии о Волыни в Польше¹⁰. Он возражает против использования термина «геноцид» в отношении событий на Волыни в 1943-1944 годах, утверждая, что польско-украинский конфликт должен рассматриваться, скорее, как длинная война, тянувшаяся по меньшей мере с 1918-1919 гг. Говоря конкретно о событиях в Волыни, он утверждает, что «первые вооруженные столкновения в хелмском районе летом 1942 года необходимо считать началом войны, а ее финалом – Операцию Висла (Аксја Wisła), которая закончилась в июле 1947 года»¹¹.

Книга Вятровича отводит важную роль вооруженной борьбе в Закерзонье (территории за пределами линии Керзона: Хелм, Подляшье, Надсянье и Лемковщина) в 1945-1947 годах и изгнанию украинского населения из этих земель сразу после войны. Последняя редакция книги содержит новую главу, посвященную именно этому вопросу¹². Автор демонстрирует, как польское правительство в изгнании и украинское подполье не смогли договориться касательно того, кому будет в послевоенный период принадлежать Волынь, Галиция и Закерзонье – Польше либо Украине.

В какой-то степени автору удалось усложнить картину войны. Он цитирует Ярослава Грицака: «Когда речь идет о событиях весны 1943 года на Волыни, нам необходимо учитывать несколько факторов: "макро войну" между двумя супердержавами – нацистами и Советским Союзом; "микро войну" между польским, украинским и советским подпольем; маленькую гражданскую войну между различными группами в украинском андеграунде (такую как конфликт между бандеровцами, соратниками Тараса Бульбы и мельниковцами, либо соревнование за

⁹ Польсько-українські стосунки в 1942-1947 роках у документах ОУН та УПА / Упор. В. В'ятрович. 2 тт. Львів, 2011.

¹⁰ В'ятрович В. Друга польсько-українська війна, 1942-1947. 2-ге вид. К., 2012. С. 24, 307-323.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² Там же. С. 243-303.

власть среди новосозданных УПА в Галичине и на Волыни); крестьянскую войну за землю; и, в заключение, элементарную бандитскую деятельность в волынских лесах, достигшую расцвета на фоне войны. В дополнении к этой картине можно добавить фактор уничтожения нацистами евреев, который хотя и не имел прямого воздействия на убийства 1943 года, но косвенно повлиял на ужасающее обесценивание человеческой жизни среди жителей Волыни»¹³.

Вятрович упоминает перечисленные факторы, но его не слишком интересует их дальнейшее углубление. Зато он приступает к разработке открыто предвзятого и бедного на нюансы контраргумента. Например, в предисловии он утверждает, что при анализе войны необходимо учитывать, что «в подобных конфликтах часто невозможно четко отделить, являлись ли их участники героями либо бандитами, палачами либо жертвами, а еще менее возможно расчертить линию между национальными группами, которые противостояли друг другу»¹⁴. Подобный взгляд на войну было бы логично подкрепить анализом личных мотивов, а значит вниманием к биографиям участников и анализом того, что могло бы подвигнуть простых людей убивать беззащитное население. К сожалению, такой психологический и социальный анализ в книге отсутствует.

Андрей Заярнюк предположил, что психологический и социальный анализ должен стать следующим шагом в научных исследованиях как событий на Волыни 1943 года, так и подобных массовых убийств тех лет. Он считает, что в подобных ситуациях ученые должны исследовать жестокость так, как это делают исследователи Холокоста, такие как Рауль Хильберг, Ханна Арендт, Кристофер Браунинг и Даниель Голдхаген¹⁵. Заярнюк указывает на то, что дебаты между «функционалистами» (такими как Браунинг, который искал объяснение поведения обычных людей многими причинами) и «интенционалистами» (такими как Голдхаген, который искал объяснения жестокости в культуры и идеологии) могут обеспечить более глубокое понимание волынских событий¹⁶.

Например, Гжегож Россолински-Либе считает, что «расистские корни идеологии ОУН-Б» и связь этой идеологии с «паталогическим садизмом» являлись прямым доказательством правильности подхода «интенционалистов»¹⁷. Многочисленные зверства, совершенные против поляков, были, согласно этому мнению, идеологически мотивированы, спланированы и упорядочены¹⁸. Более

¹³ Грицак Я. Наше і дуже наше горе // Критика. 2003. №№ 7-8; цит. в: В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 40-41.

¹⁴ В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 8.

¹⁵ Заярнюк А. Виконавці етнічної чистки поляків на Волині як інтелектуальна проблема. Ч. 1 // Historians.in.ua. 8 August 2016. <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1963-andrii-zaiarniuk-vykonavtsi-etnichnoi-chystky-poliakiv-na-volyni-iak-intelektualna-problema-chastyna-1>.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Rossolinski-Liebe G. Stepan Bandera – The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart, 2014. P. 268.

¹⁸ Ibid. P. 268-269.

«функционалистский» подход прослеживается у Тимотия Снайдера¹⁹. Он рассматривает эти события скорее как продукт военной обстановки.

Часто критика *Второй польско-украинской войны* Вятровича сконцентрирована на его предвзятости, которая и объясняет искаженную презентацию фактов. Книга рассматривается как часть попытки создать героев из ОУН и УПА во время президентского срока Виктора Ющенко (2005-2010), времени, когда Вятрович был главой ЦДВР и Архива СБУ. Последнее назначение дало ему возможность получить привилегированный доступ к материалам, которые он мог выбирать для подтверждения своей точки зрения либо игнорировать, если эти материалы шли вразрез с его точкой зрения. В последнее время этот аргумент часто выдвигается. Как директор УИМП Вятрович часто обвинялся в ведении кампании по отрицанию соучастия ОУН в совершении преступлений во время Второй Мировой Войны²⁰. В свете его явного желания сформировать новую культурную память Украины и создать национальный нарратив, в котором ОУН и УПА фигурируют как борцы за свободу, большинство западных ученых ставят под сомнение сам способ презентации им фактов. Эта тема обсуждалась в журнале *Ab Imperio* в 2012 году.

Следует заметить, что не только западные ученые, но и многие политические комментаторы в Украине выражали недовольство использованием событий 1943 года на Волини политическими партиями. Виталий Портников утверждает, что вмешательство политиков в дискуссию помешало более широкому сравнению этих событий с подобными жестокими событиями, имевшими место в других государствах²¹. Юрий Винничук высмеивал кампанию партии «Свобода» по созданию культа УПА, которая включает одевание униформы, марширование, популяризацию символов, которые никогда не использовались самим УПА, создание культа вокруг Бандеры и гуляния в день Покрова Божьей матери, как бы считающимся днем основания УПА. По его мнению, «профессиональные патриоты» с искаженным пониманием истории смогли повлиять на общественность²².

Тарас Возняк, редактор львовского журнала *Ї*, подобным образом удивлялся тому, как украинская общественность всегда была готова обсуждать Волинскую резню и в особенности работу Гжегожа Мотыки без какого-либо знания акаде-

¹⁹ Snyder T. «To Resolve the Ukrainian Problem Once and For All»: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland 1943–1947 // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Vol. 1. № 2. P. 86-120; idem. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 // Past and Present*. 2003. Vol. 179. № 1. P. 197-234; idem. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*. New Haven, 2003. P. 154-178; Снайдер Т.Д. Причины украинской этнической чистки поляков в 1943 году: региональный контекст и историческое значение Волинской трагедии // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2016. № 2. С. 7-38.

²⁰ После выступления Президента Израиля с речью к украинскому парламенту 27 сентября 2016 года, Вятрович сделал пост на своей страничке в Фейсбуке, где отрицал участия ОУН в Холокосте.

²¹ Portnikov. *Poland and Politics*.

²² Винничук Ю. *Ігри професійних патріотів // 2014 – хроника года: блоги, колонки, дневники*. Харків, 2015. С. 338-340.

мической литературы и с чисто вымышленным представлением о том, что именно писал в своей работе Мотыка²³. В своих статьях на эту тему вышеуказанные авторы часто жаловались на то, что тема Волыни стала мишенью для манипуляций украинскими, польскими и российскими политиками и прессой²⁴.

Самые значительные критические замечания касательно книги Вятровича были сделаны касательно его утверждения, что убийства поляков и украинцев на Волыни равнозначны по своей сути; желая полностью объединить украинскую национально освободительную борьбу с ОУН(б); игнорирования либо искажения политической программы и идеологии ОУН 1930-х и ранних 1940-х годов; упущения из виду Холокоста; отказа признать, что ОУН(б) и УПА приняли решение начать уничтожение поляков на Волыни 1943 года; нежелания признать вину украинцев в совершении резни.

Утверждение, что убийства поляков и украинцев на Волыни являются эквивалентными, а значит равнозначны по своей сути

Главный аргумент книги состоит в том, что польско-украинский конфликт военных лет должен быть помещен в контекст более длительной войны, которая включала в себя вооруженное противостояние 1918-1919 годов и конфронтации в самой Польше межвоенных годов. В связи с этим автор старается сфокусировать свое внимание на событиях в Хелме в 1942-1947 годах и на Операции Висла в 1947 году. Эти события служат Вятровичу для расширения временных рамок волынского конфликта 1943-1944 годов. Детализируя свою аргументацию автор подчеркивает зверства, которые имели место с польской стороны, и одностороннюю презентацию этих событий в польских СМИ. Практически все без исключения польские ученые отказываются признать, что события в Хелме напрямую повлияли на волыньские убийства.

Они также отрицают аргумент о равнозначности убийств. Официально, насчитывается не менее 70 тысяч убитых поляков, в то время как украинцев было убито около 20 тысяч. Большинство польских жертв были мирными жителями, убитыми на Волыни в 1943 году. Вятрович же считает эти цифры неточными и пишет, что надо говорить о 39 тысячах убитых поляков (вместо 70 тысяч) и 16 тысяч украинцев (вместо 20 тысяч)²⁵.

²³ Возняк Т. Знову про Волинь 1943 року // Ретроспективна політологія: епоха Януковича – агонія режиму. Львів, 2015. С. 77-78.

²⁴ В особенности см. статью Тараса Возняка, который дал ряд интервью для польских и украинских газет на вышеуказанную тему: Vozniak T. Przewyc Wolyn // Ретроспективна політологія. С. 89-94; Возняк Т. Волинь 1943 – підсумки 2013: від потрактування Волинської трагедії може залежати підписання угоди з ЕС // Там же. С. 95-104.

²⁵ В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 241-242.

Польские ученые, как правило, считают, что атаки на украинцев в Хелме в 1942-1943 годах, хотя и были жестокими по своей природе, но не были такого же масштаба, как атаки, совершенные украинцами. Вятрович же фокусируется на уничтожении украинских общественных лидеров, указывая на 543 убийства таких лидеров, либо известных активистов, включая священников в регионе Хелма в период между августом 1942 года и августом 1943 года²⁶. Хотя польские комментаторы настаивают на том, что эти жертва были коллаборантами нацистской Германии, некоторые ученые указывают на то, что существовала польская политика отстранения руководителей украинских общин²⁷. Они указывают на тот факт, что значительно легче было убивать людей, не принадлежащих к своему народу, чем своих (т.е. польских) коллаборантов²⁸. Отстранение и уничтожение украинских лидеров лишь ускорило вхождение в хаос²⁹.

Вятрович подчеркивает, что новости о событиях в Хелме, Галиции и на Волыни быстро распространились на этих территориях в виде неподтвержденных сплетен, которые разжигали злобу и жестокость³⁰. Распространяющееся разрушение церквей и украинской общественной жизни, в любом случае, уже было начато польскими властями в 1938 году, добавляет Вятрович³¹. Он утверждает, что события 1942-1944 годов дали ход «эффекту домино», в котором «новости об анти-украинских действиях в регионе Хелма пришли на Волынь и спровоцировали там массовые анти-польские действия, новости о которых, в свою очередь, заставили польское подполье в Галиции начать анти-украинские действия»³². Однако даже если признать, что события в Хелме действительно способствовали виктимизации и радикализации украинцев, эти события не объясняют принятие решения о проведении этнических чисток на Волыни.

Слияние украинской освободительной борьбы с ОУН и искажение информации о её идеологии в 1930-х и ранних 1940-х гг.

Одной из самых спорных позиций, которые можно встретить в текстах Вятровича, является его желание представить ОУН как исключительно освободительную силу и игнорирование любых противоречащих этому интерпретции. На протяжении всей книги автор олицетворяет национально-освободительную борьбу не только с самим ОУН, но в особенности с ОУН(б). Фактически, книга использует

²⁶ Там же. С. 126, 128.

²⁷ Там же. С. 101.

²⁸ Там же. С. 86.

²⁹ Там же. С. 98.

³⁰ Там же. С. 129, 131, 140.

³¹ Там же. С. 86.

³² Там же. С. 181.

термин «национал-освободители» как синоним ОУН(б). Это недопустимо хотя бы потому, что ОУН в 1930-х была, даже в Галиции, партией меньшинства. Она получила контроль как над подпольем, так и над УПА только в 1943 году и фактически путем силы. Даже после этого борцы украинского подполья не всегда становились членами ОУН. Позднее, в эмиграции, ОУН(б) оставалась партией меньшинства, которую либо часто избегали, либо сильно критиковали интеллектуалы и большинство украинцев, в особенности те, кто происходил из Центральной и Восточной Украины. Все эти аспекты не обсуждаются у Вятровича. Более того, описывая ОУН как национал-освободительное движение, он должен был упомянуть о самих основателях ОУН, ее изначальных идеологов и лидеров, большинство из которых порвало с её радикальным крылом, т.е. с ОУН(б), во время и после войны, и в дальнейшем критиковало его³³.

Поэтому текст Вятровича является современной апологетикой ОУН(б), ее политики и практики. Анализ аргументов книги раскрывает стратегию автора: акты агрессии не отрицаются (автор даже вскрывает шокирующие инциденты), но они показываются как неизбежные последствия войны и борьбы за национальное освобождение. Жестокость является атрибутом исторического периода: автор утверждает о постоянной борьбе за контроль над территорией и против доминирующих групп как о всеобъемлющем процессе, и утверждает (неверно), что такие ученые, как Андреа Грациози и Эрнест Гельнер признали необходимость удаление (выдворения) определенных групп населения³⁴. Он поддерживает идею этнических чисток, аргументируя это тем, что удаление польского населения на Волыни было необходимо, потому что «поляки Западной Украины снабжали свое подполье кадрами, материальными ресурсами и информацией, без которых их развитие в этнически чужой и часто вражеской среде было бы невозможно»³⁵.

В соответствии с этой стратегией он отказывается дать определение предвоенной политике и идеологии ОУН, которую даже поверхностный анализ обозначает как тоталитарную, антидемократическую и сектантскую (то есть такую, которая была нетерпима к конкурентам). Кампания ОУН по запугиванию демократических партий и интеллектуалов, набравшая силу во времена руководства Бандеры в 1930-х годах на Галичине, была Вятровичем проигнорирована, как и факт того, что ОУН была маленькой партией среди других национальных движений. К тому же, автор совершенно не говорит о расколе между ОУН(б) и центральным руководством ОУН в Европе в 1939 году, об убийстве активистов ОУН, которые

³³ На тему обсуждения послевоенных дебатов в различных кругах ОУН см.: Shkandrij M. *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929-1956*. New Haven, 2015. P. 72-76, 128-131. Книга Вятровича также игнорирует большой пласт литературы, авторы которой либо симпатизировали ОУН, либо были ее членами. Большинство из них сильно критиковали политику и действия ОУН(б). Анализ высказываний семи главных авторов см.: Ibid. P. 72-76, 128-131.

³⁴ В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 43, 123.

³⁵ Там же. С. 120.

отказались встать в ряды крыла Бандеры и продолжали признавать авторитет Мельника и европейского центра организации. В результате, мы имеем научный труд, напоминающий трюк фокусника: часть истории ОУН исчезает. Создается впечатление цельной, единой партии, управляемой одним единственным лидером. Даже акронимы ОУН(б), ОУН(м), либо поздний ОУН(з) в книге не упоминаются.

Занимая такую предопределенную позицию, автор неминуемо стремится извратить факты. Одного примера будет достаточно. Обсуждая новую политику «международных отношений», выработанную «ново созданным ОУН под руководством Степана Бандеры», Вятрович цитирует новый *Манифест* организации. Он упоминает стремление, показанное в документе, создать «новый порядок» и «заложить основу политической системы». Далее он говорит, что одним из создателей этой новой концепции был Иван Митрынга, который и предложил лозунг: «Вместе с поляками, французами и народами СССР за свободную Европу без Гитлера и Сталина»³⁶. Однако Вятрович не упоминает о том, что во время Краковской конференции ОУН(б) 1940 года окружение Бандеры отклонило этот лозунг, объясняя это тем, что поиск «друзей» (имея ввиду союзников) для Украины был к тому времени окончен, так как «место Украины было в новой Европе»³⁷. Эта «новая Европа» была, конечно – фашистская и пронемецкая.

Такое искажение позиции ОУН проблематично не только потому, что само по себе является формой дезинформации. В современных реалиях эта позиция представляет собой потерянную возможность просветить общественность про эволюцию ОУН и УПА. Автор, в конечном счете, делает выбор в пользу мифологизации этой партии и движения. Даже если исходить из того, что за этим скрывается желание автора поддержать украинское движение за национальное освобождение, это, однако, провальная стратегия. Среди других Андреас Умланд, например, утверждал, что такая явная глорификация Бандеры и ОУН – это не просто «плохая история». Она подрывает репутацию Украины среди ее друзей на Западе³⁸.

В любом случае, факты когда-то всплывут на поверхность и станут причиной утраты иллюзий тех, кто ранее в это верил. В настоящее время ряд западноевропейских, польских и североамериканских ученых работают над анализом деятельности ОУН и УПА и картина, изображаемая ими, кардинально отличается от нарратива Вятровича. Его книга не поможет читателю, который желает понять

³⁶ Там же. С. 173.

³⁷ Кентій А. Збройний чин українських націоналістів, 1920-1956: історико-архівні нариси. Т. 1. К., 2005. С. 180.

³⁸ Umland A. Bad History Doesn't Make Friends // Foreign Policy. 25 October 2016. <https://foreignpolicy.com/2016/10/25/bad-history-doesnt-make-friends-kiev-ukrainestepan-bandera/>; idem. The Ukrainian Government's Memory Institute Against the West // New Eastern Europe. 7 March 2017. neweasterneurope.eu/2017/03/07/the-ukrainian-government-s-memory-institute-against-the-west/.

природу ОУН, УПА и событий на Волыни 1943-1944 годов. Читатель этой книги так и не узнает, что СБ (секретная полиция ОУН) уничтожала членов неудобных ей украинских организаций: сотни членов УПА и простых украинских крестьян были необоснованно обличены в неверности³⁹.

Отсутствие обсуждения темы Холокоста

В книге отсутствует серьезная дискуссия о Холокосте. Упомянуто лишь вскользь то, что ряды ОУН изрядно пополнились, когда в марте 1943 года украинцам, входившим в организованные немцами полицейские отряды, было приказано дезертировать и присоединиться к своим собратьям в лесных бригадах ОУН. В этом месте Вятрович соглашается с тем, что УПА, подконтрольная ОУН, стала доминирующим подпольем на Волыни, что изменило баланс сил на местах⁴⁰.

Однако он критикует позицию Снайдера касательно того, что когда немцы организовали геноцид волыньских евреев, украинские полицаи были его свидетелями либо участниками, таким образом получившими практические знания о техническом осуществлении геноцида⁴¹. Хотя Вятрович и утверждает, что Снайдер не мог предоставить никаких доказательств тому, сейчас можно говорить о том, что многие ученые согласны с этой позицией Снайдера. Многочисленные исследователи приходят к выводу, что масштаб операции, направленной против поляков, ее эффективная организация и координирование говорят о наличии особых знаний методов массовых убийств.

Подобным же образом Вятрович отрицает расизм ОУН(б). Он возражает мнению, что одна из наиболее отъявленных расистских публикаций конца 1930-х годов Михайла Колодзинского *Военная доктрина украинских националистов* (1938) имела популярность и была распространена в организации. В книге Колодзинский призывает к борьбе не только против официальных структур Польши как оккупанта, но и против поляков как народа, на котором сама оккупация покоится. Они должны быть «вычищены из Украины как чужеродные и вражеские элементы»⁴².

Олександр Зайцев согласен с Вятровичем, что высказывания Колодзинского не имели официальной поддержки у руководства ОУН. Тем не менее, они были симптомами дрейфа в сторону усилившихся после 1937-1941 годов антисемитизма и расизма. Есть достаточно доказательств тому в анализе высказываний

³⁹ См., напр.: Berkhoff K.C. *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge, Mass., 2004. P. 297.

⁴⁰ В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 141.

⁴¹ Snyder. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943*. P. 198-199.

⁴² Цит. в: В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 52.

лидеров ОУН(б)⁴³. Также важно заметить, как указывает Карел Беркгоф, что ОУН «никогда не противилась убийству евреев, даже на словах»⁴⁴.

Отказ признать, что ОУН(б) и УПА приняли решение начать уничтожение поляков на Волыни в 1943 году

Отказ признать тот факт, что руководство ОУН либо УПА приняло решение начать массовые убийства поляков в 1943 году, напрямую зависит от отсутствия документов либо других бесспорных доказательств. Сергей Рябенко поддержал точку зрения Вятровича, указывая на отсутствие убедительного доказательства польских ученых. Однако не только наиболее уважаемые западные ученые, но и не менее уважаемые украинские историки отказались принять эту точку зрения.

Ярослав Грицак, например, высказал мнение, что, возможно, документ с приказом к исполнению никогда не будет найден (по крайней мере не такой, который бы убедил всех в своей аутентичности), потому что инструкции могли быть даны устно. Тем не менее, он вполне уверен, что такие инструкции могли быть даны. Мыкола Лебеде неоднократно подтверждал в своем узком кругу, что инструкции были даны руководством УПА и ОУН(б). Грицак пишет: «Вероятно, решение было принято той частью руководства, которая хотела обезопасить свою позицию в ново созданной армии, и в особенности выдавить Мыколу Лебеде из ее руководства. В любом случае, создается впечатление, что анти-польские действия стали важным фактором в становлении УПА, ее своеобразным "крещением кровью". Согласно нормам международного права, это было военным преступлением, с военно-политической точки зрения это совершенно не имело смысла; ведь, решающую роль в осуществлении этнических чисток волыньских и галицких поляков играли не действия УПА, а решения Сталина и его договоренность с союзниками в Ялте»⁴⁵. Подобным образом наиболее авторитетный специалист по этой теме, Игорь Илюшин, утверждает, что в то время от общественных лидеров были слышны много призывов остановить насилие и что вооруженные группы были изначально под командованием ОУН(б) и «антипольские атаки начались по её приказу»⁴⁶.

На самом деле Вятрович двусмыслен в этом месте. Он винит Клима Савура (Дмитрия Клячковского), местного командира УПА на Волыни, который «перестал подчиняться центральному командованию»⁴⁷. Клячковский «одобрил реше-

⁴³ См., напр.: Shkandrij. *Ukrainian Nationalism*. P. 53-55, 112-121.

⁴⁴ Berkhoff. *Harvest of Despair*. P. 310.

⁴⁵ Грицак Я. *Страсті за націоналізмом: історичні есеї*. К., 2004. С. 104.

⁴⁶ Ілюшин І.І. *Українська повстанська армія і Армія Крайова: протистояння в Західній Україні (1939-1945 рр.)*. К., 2009. С. 23, 30-32.

⁴⁷ В'ятрович. *Друга польсько-українська війна*. 2-ге вид. С. 142.

ние разрешить отрядам УПА производить антипольские действия. В своем решении он полагался на свое понимание ситуации более, чем на инструкции центральных властей [УПА], которые, как он считал, не понимали всю ситуацию»⁴⁸. Исходя из этого, центральное руководство не в чем обвинять. Вятрович, однако, не объясняет, почему центральные органы УПА допускали антипольские действия в течении следующих недель и месяцев.

Нежелание признать вину украинцев за совершение массовых убийств

В своей работе Вятрович не желает признавать вину за содеянное украинской стороной. Он часто повторяет аргумент об эквивалентности, чтобы тем самым отвести обвинение от украинцев. Его аргументация состоит в том, что если это была война, именно такая, в которой погибло равное количество людей с обеих сторон, тогда одна сторона не должна быть более виноватой чем другая. Он минимизирует, запутывает или игнорирует оценки по этому поводу известных историков, таких как Тимоти Снайдера и Яна Гросса, ведущего польского историка Гжегожа Мотыки, украинских историков Игоря Илюшина и Олександра Зайцева.

Вятрович часто неточно представляет аргументы других ученых, которых считает своими оппонентами. В его труде ясно очерчивается поразительная слепота к нюансам и иногда неуверенное обращение с исторической литературой, которую он цитирует. Возможно, частичной причиной тому является его недостаточное знание иностранных языков, хотя скорее всего самая веская причина лежит именно в характере аргументов его коллег. Он часто упрощает или даже умышленно неправильно истолковывает аргументы других, как на это правильно указал Мотыка⁴⁹. Обвиняя оппонента в рьяности либо ангажированности, он, в свою очередь, как бы забывает о своей собственной намного большей рьяности в защите и глорификации ОУН.

Другие авторитетные украинские историки реагировали по-другому на описанные Вятровичем события. Илюшин считает, что руководство ОУН(б) и украинское население, которое являлось большинством на Волыни, несут на себе вину за Волынскую трагедию, равно как польское руководство и население несут вину за этнические чистки украинцев к западу от линии Керзона (в Хелме, Подляшье, и Лемковщине)⁵⁰. Ярослав Дашкевич утверждает, что «украинский террор 1942-1944 годов против польского населения Западной Украины заслуживает строгого и безусловного осуждения, даже после попыток оправдать его как ответ

⁴⁸ Там же. С. 143.

⁴⁹ Мотыка Г. Неудачная книга // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 388.

⁵⁰ Илюшин. Українська повстанська армія і Армія Крайова. С. 22.

украинцев на те несправедливости, которые они понесли от польских, русских или немецких провокаций»⁵¹.

В труде Вятровича недостатки общей концептуализации компенсируются, в какой-то мере, богатством информации, которую он предоставляет о деталях организации местных кампаний. Ход этих кампаний по истреблению поляков Волыни 1943 года и более поздних кампаний по уничтожению украинцев Хелма автор описывает с особым вниманием. Информация основывается на архивных документах и содержит свидетельства о польских зверствах (войсками Армии Крайовой, польской полицией на службе у Германии и поствоенным польским правительством). Однако, когда речь заходит о зверствах с украинской стороны, эти свидетельства становятся менее откровенными, хотя включение автором архивных материалов, касающихся ОУН и УПА, и в особенности обсуждение протоколов допросов арестованных бойцов, можно только приветствовать. Вятрович использует эти советские протоколы эффективно, демонстрируя их – при внимательном анализе – очевидную пользу для историка.

Проблема этнических чисток и геноцида

Работа Вятровича полезна и тем, что она вызывает сомнения насчет некоторых устоявшихся мнений относительно использования термина «геноцид» в обсуждении Волынской трагедии. Фактически, как уже было показано выше, он косвенно признает факт совершения этнических чисток. Его стратегия, однако, заключается как в помещении событий 1943 года в более длительный промежуток времени, так и в цитировании смягчающих обстоятельств: события войны на Волыни; антиукраинская политика польского правительства 1930-х годов; нападения поляков на украинское население Хелма в 1938 и 1941-1942 годах и массовая депортация 1947 года во время операции «Висла». Все это показывается как обязательный исторический контекст Волынской трагедии 1943-44 годов. Другими словами – этнические чистки также проводились как польскими, так и другими правительствами.

Волынская резня или трагедия показывается исключительно в свете «войны в войне», которая шла на протяжении нескольких декад со своей внутренней динамикой. Это есть его своеобразный «функционалистский» ответ на аргументацию «интенционалистов», согласно которой действия ОУН носили просчитанный, расистский характер. Новый нарратив Вятровича представляет собой его версию реконцептуализации событий Волыни.

Тем не менее, Вятрович отказывается использовать термин геноцид. Он цитирует высказывание раннего польского исследователя Рычарда Торжеского, кото-

⁵¹ Дашкевич Я. Україна учора і нині: нариси, виступи, есе. К., 1993. С. 130-131.

рый писал, что «руководство ОУН хотело удалить польское население из этих земель, так как видело их как помеху в создании украинского государства. Однако оно не планировало этого [их уничтожения]. Такого рода действия были скорее спонтанной реакцией масс и местных командиров. Во многих случаях эти действия были вне контроля УПА. В особых случаях лидеры не знали либо как контролировать массы, либо, что важно, не хотели их контролировать»⁵². Вятрович повторяет этот аргумент много раз. Это становится еще одним способом избежать обвинения руководства ОУН и УПА. В итоге, вина за зверства вменяется крестьянским бунтам.

Он также напоминает о том, что руководство ОУН в Галиции издало 5 мая 1944 года приказ, в котором было сказано, что польское население в течении семи дней должно покинуть украинские земли и перебраться на польские территории. Приказ гласил: «Если они откажутся выполнять этот приказ, борцы будут высланы ликвидировать мужчин, их дома и имущество будет сожжено (либо разгромлено). Мы подчеркиваем, что в первую очередь поляки должны были быть принуждены покинуть территории и лишь потом быть ликвидированы, а не наоборот»⁵³. Вятрович пишет, что украинским повстанцам было дано разрешение ликвидировать мужское население в поселках, где оно отказывалось уезжать на польские территории, но «нигде не было инструкций полностью уничтожать поляков»⁵⁴.

Что касается инцидентов, где имели место именно зверства, здесь он винит предателей из командного состава, которые перестали подчиняться руководству. Некоторые командиры были изгнаны по причине несанкционированных контактов с немцами⁵⁵. Другие, как Микола Олийнык, были расстреляны как за подобные проступки, так и за приказ польскому населению покинуть территории⁵⁶. В анархии начала 1943 года на Волыни и жестоком обращении с польским населением обвинялись силы Бульбы-Боровца⁵⁷. Вятрович говорит также о жестокостях, совершенных украинской Ваффен СС «Галичина», когда та подавляла сопротивление в деревнях⁵⁸.

Однако, когда речь идет об ОУН и УПА, он стремится минимизировать, либо как-то оправдать их действия. Он фокусирует свое внимание на циничной, жестокой борьбе за контроль над территорией, и на упрямом польском правительстве, отказывающемся отдавать свои восточные земли и уступить украинским требованиям о независимости. Другими словами, скрытый аргумент здесь таков

⁵² Цит. в: В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 36.

⁵³ В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 222.

⁵⁴ Там же. С. 223.

⁵⁵ Там же. С. 218.

⁵⁶ Там же. С. 219-220.

⁵⁷ Там же. С. 137.

⁵⁸ Там же. С. 213, 216-217.

– украинцы должны были уничтожить поляков. Иначе они бы оказались сами ими уничтожены.

Борьба за культурную память

Роль ООН во время Второй Мировой войны и, если брать шире, украинских военных формирований изучалась под разными углами и с разной глубиной. В годы после провозглашения независимости Украины было создано большое количество романов и фильмов на тему националистического подполья и УПА. В этом дискурсе виктимизации, однако, роль украинцев как преступников практически отсутствует. Темы демистификации невинности и признания вины редко где-либо пользовались вниманием.

Уместно сделать сравнение с Германией, где проблема различного уровня персональной вины является важной темой. Современная немецкая литература тематизирует чувство стыда немецкого общества и открыла новые подходы к пониманию опыта немецких солдат во время войны. Более того, в настоящее время культура памяти понимается как что-то многовекторное, что может включать в себя разные перспективы. Развиваясь, культура памяти выносит на поверхность те аспекты истории, которые ранее игнорировались либо были забыты. Исследователи культурной памяти пытаются понять, как память сохраняется на протяжении поколений.

Этот подход также признает то, что память группы связана с тем, как эта группа себя идентифицирует. Алеида Ассман описала память как «связанную с идентичностью и поддерживаемую собственным имиджем группы»⁵⁹. Однако каждая отдельная группа обращается с памятью различным способом и память сама по себе является нестабильным феноменом⁶⁰. В дополнении к этому, Михаил Роттенберг дал определение памяти как мультивекторному «предмету бесконечных переговоров, согласований и заимствований», «продукту усилий, а не частную собственность»⁶¹.

Дискурс о немецком чувстве вины прошел через так называемый спор историков (*Historikerstreit*) 1980-х годов⁶² и дебаты о Вермахтской выставке поздних 1990-х. Эта выставка (*Wehrmachtsausstellung*) открылась 5 марта 1995 года и бы-

⁵⁹ Assmann A. *The Holocaust – a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community // Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories / Ed. A. Assmann, S. Konrad. Basingstoke, 2010. P. 99.*

⁶⁰ Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimcev R. *Entangled Memory: Towards a Third Wave in Memory Studies // History and Theory. 2014. Vol. 53. № 1. P. 43.*

⁶¹ Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford, 1997. P. 3.*

⁶² Traverse M. *History Writing and the Politics of Historiography: The German Historikerstreit // Australian Journal of Politics and History. 1991. Vol. 37. № 2. P. 247-257.*

ла проведена в 33 городах Германии и Австрии; вторая выставка открылась в ноябре 2001 года и дала толчок к многим дебатам⁶³. В итоге, были также так называемые дебаты Голдхагена-Браунинга поздних 90-х годов, в которых Даниель Голдхаген отстаивал аргумент, согласно которому идеология, в этом случае «устранения» евреев, сыграла первоначальную роль, в то время как Браунинг выдвигал точку зрения, согласно которой различные факторы влияют на поведение людей⁶⁴.

Эти дискуссии ознакомили широкий круг читателей с аргументом о различных оттенках вины – между свидетелями и преступниками, между личной и совместной ответственностью. Примерно с 1970-х годов, а именно с того момента, когда память о Холокосте стала особенно интенсивно обсуждаться в публичном пространстве, сознание вины перед другими и страдания своих граждан сосуществуют в общественном сознании немцев⁶⁵. В настоящее время украинская культурная память только начинает изучаться как сосуществование различных восприятий общего прошлого.

Именно в рассказах об ОУН и Волынской трагедии воспоминания о жертвах и преступниках Второй Мировой войны столкнулись друг о друга. Не то, чтобы мифы о невинных борцах или оказавшихся в условиях войны молодых людях были неправдой; дело в том, что эти истории должны быть противопоставлены еще более трагичным историям жертв среди гражданского населения, и особенно среди евреев или, как в случае с Волынью, поляков. Знание реальных событий должно включать сосуществование жертвы и преступника в одной группе, даже в одном человеке.

В настоящих дебатах ОУН и УПА взяты некоторыми учеными как откровенно виновные стороны без права включения их в нарратив страдания. Другие же авторы утверждают, что они без сомнения являлись героическими организациями без какого-либо отношения к совершению преступных действий. Эти дебаты достигли тупика, который не разрешает обсуждать более сложные вопросы, такие как: проблему разрушительного эффекта войны и обстоятельств войны, которые повлияли на акты жестокости, проблему невольных участников событий, психологию участия в актах жестокости, либо проблему взаимодействия различных групп памяти.

⁶³ Thiele H.-G. Die Wehrmachtsausstellung: Dokumentation einer Kontroverse. 2nd edn. Bremen, 1999. P. 11-12.

⁶⁴ Goldhagen D.J., Browning C.R., Wieseltier L. The «Willing Executioners» // «Ordinary Men» Debate: Selections from the Symposium. With an introduction by Michael Berenbaum. Washington, 1996. http://www.ushmm.org/m/pdfs/Publications_OP_1996-01.pdf.

⁶⁵ Assmann A. On the (In)Compatibility of Guilt and Suffering in German Memory // German Life and Letters. 2006. Vol. 59. № 2. P. 187.

Между национальным освобождением и коллаборацией

Среди историков не возникает спора относительно того, что украинское население подвергалось преследованию во время войны. Тарик Сирил Амар пишет, что после повторной оккупации Западной Украины советское государство-партия «выиграло свою грязную войну путем ведения карательных акций, убив более 200 тысяч человек и посадив в тюрьму около 110 тысяч»⁶⁶. В Польше во время Операции Висла, которая началась 28 апреля 1947 года, более 150 тысяч украинцев были депортированы из юго-востока страны польской армией совместно с советскими войсками.

Таким способом украинское население было рассредоточено и последнее сопротивление УПА сокрушено. Операция Висла виделась многими как акт возмездия за события в Волыни⁶⁷. Однако трагедия польских, еврейских и других народов никогда не была адекватно интегрирована в общий нарратив. Ждут своего исследователя и сложные проблемы, связанные с военной деятельностью украинских организаций, как, например, Украинский центральный комитет (УЦК). Сотрудничество УЦК с немцами Амар описал как «попытку инструментализировать нацистов для украинских национальных целей, включая создание государства»⁶⁸. Другой мало исследованной темой является проблема послевоенных убийств, совершенных националистами (в основном контролируемые ОУН и УПА). Имело место около 30 000 убийств, половина из которых была совершена над селянами и членами колхозов⁶⁹. Комплексная проблема взаимодействия между национальным освобождением, коллаборацией и угнетением местного населения практически никогда не обсуждалась в украинском контексте.

В своем классическом труде *Обычные люди* Браунинг демонстрирует, как массовое убийство становится рутинной, и как в ретроспективе память представляет собой сбивающий с толку набор различных перспектив⁷⁰. Он описывает, например, как в 1942-1943 годах охота на евреев в деревне стала частью работы *Ordnungspolizei* («полиции порядка»), и как этот факт никогда не был вскрыт во время интервью, взятых у этой полиции⁷¹. Подобным образом он описывает, как во время интервью немецкие полицейские перекладывали вину за антисемитизм на местных поляков⁷².

⁶⁶ Amar T.C. *The Paradox of Lviv: A Borderland City between Stalinists, Nazis, and Nationalists*. Ithaca, 2015. P. 17.

⁶⁷ В'ятрович. Друга польсько-українська війна. 2-ге вид. С. 296-297.

⁶⁸ Amar. *The Paradox of Lviv*. P. 128.

⁶⁹ Літопис УПА: нова серія. Т. 7. К.-Торонто, 2003; цит. в: Amar. *The Paradox of Lviv*. P. 195.

⁷⁰ Browning Ch. *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*. N.Y., 1993. P. xviii-xix.

⁷¹ *Ibid.* P. 121-132.

⁷² *Ibid.* P. 150-155.

Браунинг подчеркивает воздействие систематической деструкции на людей, которые были очевидцами либо участниками событий, а также важность социального влияния, которое побуждало многих совершать преступления⁷³. Как «функционалист», он считает, что у человека существует потенциал совершать жестокости, и этот потенциал может быть пробужден у всех людей под влиянием каких-то особых обстоятельств. Позже эти люди могут превратиться снова в законопослушных граждан⁷⁴.

Хотя идеологическая обработка и играет роль в достижении добровольного повиновения, Браунинг считает это недостаточным объяснением участия в актах жестокости⁷⁵. Среди сотрудников *Ordnungspolizei* некоторые отказывались убивать; другие прекращали участвовать в убийствах. «Человеческая ответственность – это в высшей мере дело индивидуальное», – пишет автор⁷⁶. Эти особенности относятся к любому анализу жестокостей, в том числе и тех имевших место на Волыни. Впрочем, академические исследования пока не изучили их. Книга Вятровича хотя и фиксирует подобные преступления, но не занимается изучением психологии их совершения.

Можно предположить, что интерес к «интенционалистскому» подходу, приведет к анализу экстремальной формы жестокости, мотивируемой принципами, которые стоят выше закона. Зов национализма как квази-религиозной веры мог бы быть изучен Вятровичем, но этого не случилось. Читатель остается с картиной жестокой национально-освободительной борьбы, но без понимания, почему многие крестьяне участвовали в этих событиях. Чтобы это понять, нам, без сомнения, необходимо выходить за грани фокуса, прикованного исключительно к идеологическим объяснениям.

Неоднозначный опыт местного населения можно было бы проанализировать как продукт волн насилия, следующих одна за другой и совершенных армиями и режимами захватчиков. Сначала советский режим, потом немцы проводили массовые аресты и депортации, распространяли пропаганду жестокости и нанимали местных жителей в батальоны и вспомогательную полицию. Процесс повторился, когда вернулась советская власть. Жертвами насильственных действий были различные группы в зависимости от этапа истории: вначале поляки, потом евреи и русские, позже украинцы и поляки. Книга Вятровича намекает на этот общий порядок вещей и иногда движется в сторону именно такого анализа, однако задерживается в полемическом стремлении защитить позиции ОУН и УПА. С одной стороны, эта специфика книги делает ее интересным вкладом в дебаты, но, с другой стороны, чрезвычайно проблематичной и с серьезными недостатками.

Перевод с английского Клавдии Татар.

⁷³ Ibid. P. 165-166.

⁷⁴ Ibid. P. 166.

⁷⁵ Ibid. P. 176-179.

⁷⁶ Ibid. P. 188.